

Когда в семье Сун услышали, что из семьи Сюн пришли все, кто может принимать решения, они сразу поняли, что дело серьёзное. Правда, они и подумать не могли, что семья Сюн решит передать рецепт изготовления сладостей напрямую четвёртой дочери — думали, максимум, попросят немного помочь.

Когда семья Сюн заявила, что категорически запрещает кому-либо из семьи Сун тайно перенимать это мастерство или вынуждать четвёртую дочь передать его, в семье Сун даже не удивились — на их месте сами бы и вовсе не стали делиться столь выгодным ремеслом с выданной замуж дочерью.

Для надёжности пригласили старост деревень Сюн и Чжао. При них составили договор, подписали и скрепили печатями обе стороны.

Чжан-апо заявила прямо, без церемоний:

— Скажу сразу, не обижайтесь за резкость. Когда нас с мужем не станет, мастерство четвёртой дочери никак не будет связано с вашими сыновьями и дочерьми. Никто из них не имеет права претендовать ни на одну медную монету, заработанную ею. А если посмеете — не обессудьте, семья Сюн с этой распиской подаст на вас в суд!

Говорила она жёстко, уверенно, с явным превосходством. А в семье Сун и пикнуть никто не посмел — да разве они глупцы, отказываться от такого подарка? Семья Сюн словно с ума сошла, добровольно отдав такой прибыльный рецепт дочери, тем самым позволяя семье Сун сидеть дома и собирать деньги. Такое удачное стечение обстоятельств иначе как чудом и не назовёшь — однозначно предки помогли.

Отец и мать Сун заверяли с пеной у рта, что всё будет исполнено. Даже старшие сыновья — Сун-далан и Сун-санлан — и младшие мальчики, хоть и переглядывались с алчными мыслями, виду не подавали. Все знали, сколько можно заработать: раньше они помогали продавать пироги семьи Сюн, и даже на перепродаже в уезде легко получали по несколько десятков вэней. Можно представить, сколько зарабатывает сама семья Сюн!

Но сейчас — не время открыто проявлять жадность. Пусть пока всё идёт по плану. Главное — не злить семью Сюн. А там... со временем, может, удастся и по-своему повернуть. Если разозлят их — не то что рецепт не получат, так и пироги на продажу больше не дадут.

После того как все из семьи Сун, включая самого Сун-эрлана, покинули дом, в семье Сюн осталась только четвёртая дочь — учиться мастерству изготовления сладостей. Но спустя всего несколько дней обучения она уже поняла: доход от этого дела настолько велик, что ей и вообразить было страшно. Она даже представить не могла, что мать согласится передать ей такой прибыльный рецепт — ведь раньше она была счастлива уже просто от того, что ее мужу разрешали закупать пироги на продажу.

— Четвёртая дочь, — в который раз наставляла её мать, — этот рецепт тебе передал супруг твоего второго брата. Ты должна быть благодарной, не забывать, кто помог тебе в трудную

пору. Он пожалел тебя, захотел облегчить твою жизнь. Но это не значит, что ты должна взять родное и отнести его в дом мужа. Помни об этом.

Сколько раз мать уже повторяла эти слова — не счесть. И всякий раз четвёртая дочь почтительно кивала и отвечала: «Да, мама». В этот раз — не исключение.

Глядя на покладистую, старательную дочь, Чжан-апо немного смягчилась. С рождения они вместе прошли через немало лишений. Девочка всегда была трудолюбивой, никогда не хитрила и не ленилась. Добрая, послушная, она и впрямь заслуживала лучшей доли.

— А если семья Сун посмеет на тебя давить, если, получая деньги с нашего труда, они ещё и будут тебя притеснять, ты не раздумывай — возвращайся домой. И мама, и папа, и твои братья — все за тебя горой. Не бойся. Родительский дом — это всегда твой дом. Что бы ни случилось, мы всегда тебя примем. Ты никогда не останешься одна, и уж тем более — без дома.

— Мама!.. — всхлипнула четвёртая дочь, и вдруг разрыдалась, будто выплёскивая все обиды и страдания, что копились у неё в сердце годами.

Прошло ещё несколько дней. Она полностью освоила всё, что нужно для приготовления пирогов. Настало время прощаться, и прежде чем уйти, Сы-нян специально зашла в дом второго брата. Мать не стала ничего скрывать — она знала, что именно Тан Шоу стоял за тем, что дочь смогла научиться этому ремеслу, и та пришла, чтобы лично поблагодарить.

Но Тан Шоу, заметив, как в стороне стоит Сюн Чжуаншань, скрестив руки на груди и исподлобья следя за каждым движением, тут же умерил тон. Да уж, с этим парнем шутки плохи: уж если приревнует, потом и костей не соберёшь — не убьёт, так в лепёшку раскатает. Потом целую неделю на цыпочках вокруг него ходи и умасливай.

— Да ну что ты, — спокойно сказал Тан Шоу. — Всё как должно быть. Ты сестра моего мужа — значит, и мне сестра. Раз можем помочь — конечно, не откажем.

Он сделал лёгкую паузу, а потом добавил, уже серьёзно:

— Я и не прошу ничего взамен. Только прошу не забывать: ты получила это мастерство лишь потому, что рядом был твой второй брат. Если когда-нибудь ему понадобится помощь — ты и твой муж не должны стоять в стороне.

Тан Шоу по-прежнему беспокоился о Сюн Чжуаншане. У того характер слишком прямой и взрывной, если можно решить кулаками — разговаривать он не станет. А если однажды его не окажется рядом... вдруг Сюн Чжуаншань где-нибудь кого-то избьёт, и, не имея за собой поддержки, останется один против всех? Люди в деревне пока ещё мало его знают, настоящей поддержки нет. Поэтому Тан Шоу хотел, чтобы хоть семья — пусть немногочисленная — но была настоящей опорой. Чтобы, если вдруг что — эти несколько родных не пожалели сил и сделали все возможное, чтобы помочь ему.

Сюн Сы-нян понимала, что её второй брат не особенно стремится тесно общаться с её семьёй, поэтому, договорившись, какое именно соевое масло использовать для выпечки, она быстро ушла. И в семье Сюн, и у Сы-нян использовали масло, сделанное Тан Шоу, так что даже если деревенские не приходили к ним обменивать или покупать — прибыль всё равно шла каждый день, и немалая.

Теперь, когда оба главных рецепта были переданы, Тан Шоу почувствовал настоящее облегчение. Отжимкой масла занимался исключительно Сюн Чжуаншань — дело тяжёлое, но по силам ему одному. А уж ухаживать за свиньями, овцами, курами и утками — и вовсе не подлежало обсуждению: грязная и тяжёлая работа, к которой Тан Шоу не то чтобы не годился — ему даже в руки такое не давали. Сюн Чжуаншань и слышать не хотел, чтобы тот марался.

Так и зажили они спокойно: Тан Шоу расслабился, дни потекли размеренно. Он просыпался тогда, когда хотелось, спал, пока солнце не поднималось высоко над горизонтом. С тех пор как он попал в эпоху Юй, разве что в период болезни у него был такой покой. Несколько дней он жил словно в перевернутом времени — спал днём, бодрствовал ночью. И вот в один из таких ленивых дней, только ближе к полудню он наконец вылез из постели.

Последние дни Тан Шоу ел, когда просыпался — не раньше, не позже. Сюн Чжуаншань всё понимал, знал, как тяжело было супругу в последнее время, и не тревожил. Сам на скорую руку что-нибудь готовил, ел — и принимался за работу.

И вот сейчас, зайдя в дом и увидев, что Тан Шоу проснулся, он сразу отложил всё, достал одежду, которую заранее согрел в постели под одеялом. Та всё ещё хранила его тепло, на ощупь совсем не холодная.

Тан Шоу, протирая глаза, молча взял одежду и накинул её. Такие сцены повторялись каждый день. Он уже давно перестал смущаться, как поначалу — теперь всё это стало для него естественным, привычным, как дыхание.

Одежда, впитавшая тепло и запах Сюн Чжуаншаня, теперь облежала Тан Шоу, словно на его теле поставили печать — вот он, его человек, его, и только его. В такие моменты Сюн Чжуаншань чувствовал полное удовлетворение: этот шуангэр принадлежал только ему.

Тан Шоу медленно поднялся с постели, зевнул и лениво пробормотал:

— Мне приснилось, что я ел вонтоны. Давай сегодня на обед сделаем вонтоны.

— Вонтоны?.. — переспросил Сюн Чжуаншань.

Тан Шоу нередко называл еду какими-то непривычными, странными именами. Порой одно и то же блюдо у него и у Сюн Чжуаншаня называлось совершенно по-разному. Сюн Чжуаншань догадывался: наверное, дело в разнице регионов. Он знал, что у южан и северян привычки и уклад жизни сильно отличаются, да и названия продуктов могут отличаться. Поэтому не

придавал особого значения этим деталям.

— Хорошо, — сказал он. — Что нужно приготовить?

— Принеси побольше муки и мясо дома поруби — я сам всё налеплю, — ответил Тан Шоу, направляясь в переднюю комнату умыться и почистить зубы.

В эпоху Юй зубы чистили с помощью веточек ивы: ветку замачивали в воде, потом разжёвывали край, чтобы обнажить волокна. Эти тонкие, как расчёска, ивовые волокна хорошо очищали зубы. В зажиточных семьях их ещё и в соль макали — так было чище.

Такие веточки быстро изнашивались — ивовая «щётка» приходила в негодность за несколько дней. Раньше, когда Сюн Чжуаншань жил один, он, естественно, много запасов не делал. А теперь веточек не осталось — как раз все закончились.

Тан Шоу смотрел на свою облысевшую «щётку» с обломанными, поредевшими волокнами, как будто та заболела лишаем, и задумчиво застыл, словно размышляя... над чем-то совсем другим.

В это время Сюн Чжуаншань как раз вернулся с перемолотой мукой, увидел задумавшегося Тан Шоу и сразу сказал:

— Завтра с утра передам деревенским: если у кого есть ивовые ветки — пусть поделятся. Мы в обмен дадим соевого масла.

— Не нужно, — лениво ответил Тан Шоу, даже не обернувшись. — Эти ивовые волокна слишком жёсткие, стоит чуть зазеваться — и дёсны в кровь. Давай сделаем щётки для зубов, и я ещё ароматную пасту приготовлю.

Он прекрасно помнил, что в эпоху Сун зубные щётки и пасты уже существовали, только назывались иначе — "шуая-цзы" (刷牙) и "ясян" (牙齦).

О «ясян» он впервые узнал из одной старой книги о династии Сун, где подробно описывались всевозможные благовония. Некоторые рецепты он запомнил особенно хорошо — уж больно редкими и дорогими были используемые в них компоненты, такие, что по карману они были только высшему сословию, а простым людям даже мечтать не приходилось.

Согласно той книге, впервые ароматные пасты начали использовать в храмах. Один особенно крупный монастырь, куда стекались тысячи паломников, был настолько богат, что монахи могли позволить себе изысканные средства личной гигиены. Они варили ароматные составы из благовоний, хранили их в плотно закупоренных сосудах, а после еды клали в рот — либо просто полоскали, либо проглатывали. Во рту надолго оставался приятный запах.

Позже это переняли знатные семьи, а там и до щёток дело дошло: сунцы стали использовать

шуая-цзы — кисточки из мягкой щетины, макая их в ясян и чистя зубы. Гигиена рта достигла в те времена поистине невиданного уровня.

Но с падением династии Сун и приходом Юань эта традиция угасла. Монголы не унаследовали эту культуру — просто не придавали ей значения. А потому и шуая-цзы, и ясян постепенно исчезли. Впоследствии, в эпоху Цин, люди даже считали древних нечистоплотными и дикими, полагая, будто те вообще не чистили зубы, не зная, что во времена Сун уровень заботы о полости рта был куда выше, чем у них самих.

Тан Шоу потер подбородок, глаза прищурились, на лице заиграла хитроватая, почти плутовская улыбка:

— Муж, зарабатывать на бедняках — какое в том удовольствие? Обдирать богачей — вот в чём истинное искусство! Причём так, чтобы они сами, с радостью, с мешками серебра, к нам в двери стучались!

Сами? С серебром? Сюн Чжуаншань никак не мог понять, как человек, у которого всё есть, будет просить отдать за что-то свои деньги. Разве богатые не могут купить всё, что захотят, не дожидаясь, пока кто-то им предложит? Но спорить с Тан Шоу из-за таких мелочей он не собирался. Вообще, что бы ни сказал супруг — для него всегда закон.

— Хорошо, — согласился он. — Тогда будем делать эти твои «шуая-цзы» и «ясян». Скажи, как их делать — я всё сделаю.

Тан Шоу, боясь, что словами будет трудно объяснить, взял большую ладонь Сюн Чжуаншаня и стал пальцем обводить на ней форму будущей зубной щётки:

— Примерно вот так. Вот здесь — головка с щетиной, можно использовать конский волос, тонкий и мягкий. А это — ручка, должна быть плоской и округлой, чтобы удобно держать в руке.

Он сосредоточенно рисовал пальцем на его ладони, серьёзный и погруженный в дело — никаких лишних мыслей. А вот у Сюн Чжуаншаня они были. И немало.

Он ведь двадцать восемь лет жил, довольствуясь только собственной левой рукой, а теперь... теперь у него есть супруг. Целый супруг, живой, белый и мягкий. Как тут не сорваться? Хотелось забыть обо всём и опустошить свои "амбары", скопившиеся за двадцать восемь лет, в одну ночь. Но... Тан Шоу не горел таким же желанием.

А сейчас его ладонь — крепкая, широкая — лежала в нежных пальчиках супруга, и тот, ни о чём не подозревая, всё рисовал и объяснял. Тонкие подушечки пальцев скользили по его коже, царапая, щекоча, будоража.

Сюн Чжуаншаню было уже не до слушания. Его взгляд метался — то на белоснежные, гибкие пальцы Тан Шоу, то на приоткрытые губы, что при объяснении слегка двигались, раскрываясь, закрываясь, маня...

Глык.

Сюн Чжуаншань издал откровенно громкий звук, смачно сглотив слюну.

Тан Шоу аж покраснел от возмущения и с раздражением выкрикнул:

— Сюн Чжуаншань! Я с тобой серьёзно разговариваю! И вообще, ты же вчера всё получил — тебе ещё мало? Ты, конечно, по фамилии Сюн, но ты ведь не настоящий медведь! Не обязательно же проводить все двенадцать часов в сутки в состоянии... А-а! Что ты творишь? Немедленно поставь меня на землю!

Не выдержав страсти, которую шуаньэр нечаянно разжёл своими «объяснениями», Сюн Чжуаншань просто подхватил его на руки, и вскоре бедная маленькая деревянная кровать жалобно заскрипела под их весом.

Когда дело наконец дошло до вонтонов, уже давно стемнело. Поужинали они к вечернему часу. После того как Сюн Чжуаншань вымыл посуду и вернулся в комнату, Тан Шоу уже сидел на кровати, укутанный в одеяло — в позе явно обиженного пострадавшего.

А Сюн Чжуаншань — хоть бы что. Ни покраснел, ни заёрзал, стоял себе спокойно, как ни в чём не бывало.

— Ты ж с утра про эту свою щётку с пастой рассказывал, — начал он буднично. — Ну вот, давай, расскажи ещё раз — как делать.

Тан Шоу фыркнул и сердито буркнул:

— Не надо. Я сам справлюсь.

Но оказалось, что на деле всё не так просто: то, что в грубых, мозолистых руках Сюн Чжуаншаня казалось простым и податливым, у него в руках вдруг превратилось в капризную, неуправляемую штуку. Пару раз он чуть не распорол себе палец. Сюн Чжуаншань тут же выхватил у него инструмент:

— Отдай. Это не для твоих рук. О таких вещах заботиться — моё дело. Ты только говори, что и как, — я клянусь, в этот раз буду слушать внимательно. И никаких... других мыслей. Честно.

Тан Шоу сразу уловил подвох в словах Сюн Чжуаншаня — «в этот раз»? Значит, будут и

следующие?.. Он яростно напомнил себе: не стоит придавать значения, с таким здоровяком лучше не спорить! Глубоко вздохнул, он с трудом проглотил раздражение:

— Слушай внимательно, нужно сделать вот так...

Всё, что в его руках сопротивлялось и казалось неподдающимся, в руках Сюн Чжуаншаня тут же стало послушным и податливым. Деревяшка, будто сама знала, кто здесь хозяин. Не прошло и четверти часа, как Сюн Чжуаншань вырезал первую щётку.

— Вот так сойдёт? — спросил он, протягивая результат.

Тан Шоу кивнул:

— Именно. Теперь нужна щетина — тонкие мягкие волоски с конского хвоста. У нас в деревне кто-то держит лошадей?

— Нет, — покачал головой Сюн Чжуаншань, — Но я не раз бывал в усадьбах знатных семей, помогал им с забоем скота. С парой слуг я знаком, если дать им пару монет, немного конского волоса они точно достанут.

— Отлично, — удовлетворённо сказал Тан Шоу. — Тогда завтра поедem в уезд. Я сам выберу травы и благовония для ясян — зубной пасты.

Разница в цене на благовония просто колоссальна: одно и то же по виду сырьё могло стоить как сотню лян, так и десяток, а то и всего пару монет — в зависимости от сорта и качества. Для семьи Сюн их нынешний достаток, конечно, не позволял сорить серебром, но брать совсем уж дешёвое было нельзя. Эти знатные господа, привыкшие к изысканным вещам, сразу распознают подделку — стоит им только раз понюхать.

Тан Шоу и решил ехать сам именно поэтому: он хотел лично выбирать, искать, выискивать — вдруг где-то получится урвать что-то стоящее за меньшую цену. Даже если и не повезёт с «находками», он хотя бы сможет отличить достойное от посредственного среди предложений одной ценовой категории.

— Хорошо, — согласился Сюн Чжуаншань. — Я поеду с тобой. Что бы ты ни захотел купить — покупай.

— А денег у нас хватит? — спросил Тан Шоу. — В этот раз я хочу взять по-настоящему дорогие компоненты — агаровое дерево, белый сандал, мускус... Это всё очень ценные вещи.

— Хватит, — спокойно ответил Сюн Чжуаншань. — Не переживай. Те шесть с лишним лян, что мы недавно выручили, я все тебе отдал. А сейчас ещё три добавлю — с собой у меня есть. В первый раз возьмём немного, на пробу. Как только пойдут деньги — закупим больше.

<http://bllate.org/book/13592/1205348>